

Автомобиль въехал во двор и медленно остановился. Внутри было очень тихо.

Ся Синчи крепко спал. В его сне перед ним стояло огромное золотое денежное дерево, покрытое сверкающим желтым золотом.

Ветви из чистого золота были холодными на ощупь, и одна обвилась вокруг его талии, чтобы заключить его в объятия, в то время как другая слегка коснулась его губ.....

Прохладное покалывание распространилось от его губ до ключицы, и Ся Синчи бессознательно замурлыкал, протягивая руку, чтобы схватить это золото —

Затем он схватил Ли Чэньюаня за руку.

Открыв глаза, он увидел рядом бесстрастное лицо Ли Чэньюаня. Эта рука только что касалась его губ, в то время как опущенные глаза молча смотрели на него.

Ся Синчи на мгновение остолбенел, а затем, вздрогнув, проснулся!

С его точки зрения, злодей, казалось, наблюдал, когда сможет его съесть.

.....Ради бога, одной ошибки, которую он сделал случайно в полусне, было достаточно? Он снова случайно заснул на глазах у Ли Чэньюаня.

В этом не было вины Ся Синчи. В конце концов, он почти не спал всю неделю перед переселением сюда, каждый день усердно работая, чтобы заработать деньги.

И наконец-то погасив свой долг в этом месяце, он хотел вернуться и поспать, но по дороге домой в него ударила молния.

В конце концов, ему так и не удалось хорошенько выспаться.

В такую тихую ночь, которая очень подходила для ужасных преступлений, Ся Синчи и большой злодей посмотрели друг на друга в упор, это было похоже на настоящую сцену из ужасов.

Он внезапно понял, что все еще держит пальцы Ли Чэньюаня, и отпустил их, как будто его ударило током.

К счастью, Ли Чэньюань больше ничего не сделал. Он просто отвернулся и вышел из машины, Ся Синчи ничего не оставалось, как последовать за ним, озираясь по сторонам, словно помешанный:

Там была роскошная французская вилла с внутренним двором и озером. В саду были скульптуры и фонтаны, отражавшие яркий свет фонарей, ухоженные газоны, тщательно подстриженные цветы.....

В столице, где каждая пядь земли была на вес золота, все это свидетельствовало о том, что богатство владельца не имело себе равных.

Это проявление удачи повергло Ся Синчи в шок.

Но войдя во двор, он понял, что его жизнь все еще в опасности и что он был рыбой, ожидающей, когда ее разделают на разделочной доске.

Ли Чэньюань еще не совсем сошел с ума, но кто знал, не сойдет ли он с ума еще раньше?

Необъяснимым образом банкет по случаю помолвки не только прошел с опережением графика, но и не закончился разводом, как в первоначальном сюжете.

А так как он был всего лишь пушечным мясом, он не имел права спросить, почему был схвачен Ли Чэньюанем. Ся Синчи боялся снова наступить тигру на хвост, поэтому ему оставалось только сдержать свое желание поговорить, заткнуться и следовать за ним.

Интерьер виллы был довольно большим, а роскошь поражала воображение. Ся Синчи поднял глаза и увидел лифт, описанный в книге.

Читая книгу, он задумался. На первом этаже был гараж, на втором - бассейн, затем еще три этажа. Установка лифта для пяти этажей была просто нечеловеческой экстравагантностью.

Когда он доставлял еду, то обычно поднимался на десять этажей по ступенькам, чтобы успеть вовремя.

Но роскошь есть роскошь, и Ся Синчи знал, что это из-за болезни Ли Чэньюаня:

Сейчас этот человек выглядел прекрасно, но жить ему оставалось всего полгода.

Было трудно ходить, когда ты был так болен, а такой гордый и вспыльчивый человек не позволил бы нести себя.

К тому же без лифта он бы не смог свободно передвигаться на своем инвалидном кресле.

Дворецкий, дядя Дин, шагнул вперед, чтобы взять пальто Ли Чэньюаня и повесить его, сказав с улыбкой: "Господин".

Затем он повернул голову и сказал ласково: “Вы молодой мастер Ся, верно? Есть ли какой-нибудь багаж, который нужно разместить, или я могу вам чем-нибудь помочь?”

Ся Синчи мило покачал головой. Увидев, что вокруг него пять или шесть слуг и добросердечный дворецкий, его напряжение чуть снизилось —

Большой злодей не мог совершать преступления на глазах у стольких людей.

На данный момент его жизнь должна быть в безопасности. Ся Синчи, наконец, осмелился спросить: “Мистер Ли, а когда я вернусь домой?”

Ли Чэньюань поднимался по лестнице, развязывая галстук.

Услышав эти слова, он легкомысленно спросил: “Мы уже помолвлены, разве здесь не твой дом?”

Свет от хрустальной люстры падал вниз, и бриллиантовые обручальные кольца на средних пальцах этих двоих ярко сверкали.

Этот ответ был вполне логичным. Ся Синчи был слегка озадачен и издал протяжное “Ах”.

Верно, ранее у них была возмутительно захватывающая вечеринка по случаю помолвки..... но была ли это действительно помолвка?

Не говоря уже о том, что первоначальный сюжет был совсем не таким, но, учитывая ценность Ли Чэньюаня, какую любовницу он не смог бы заполучить?

Как он мог принять такое поспешное решение?

Бах! С холодным звуком закрывающейся двери Ли Чэньюань вошел в свою комнату и сразу же выставил Ся Синчи вон.

Ся Синчи.....

Для свиней было более вероятно лазить по деревьям, чем для большого босса-злодея хотеть выйти за него замуж.

Ему действительно хотелось энергично встряхнуть его за плечи обеими руками и громко спросить: Мы едва знаем друг друга, почему ты не отменил помолвку согласно сценарию на банкете по случаю помолвки?

Босс-злодей и пушечное мясо, два персонажа, которым было суждено встретить свой конец. Было невозможно, чтобы два негатива превратились в позитив.

Подумав об этом, Ся Синчи внезапно превратился в грустную лягушку, [1] нахмурившись, размышляя о том, как он умрет в качестве пушечного мяса.

“Молодой господин, комната готова. Вы хотите что-нибудь съесть или может выпить стакан молока перед сном?” - спросил дядя Дин.

Увидев Ся Синчи, уныло присевшего на корточки у двери Ли Чэньюаня и чертящего пальцем круги на земле, он догадался, что тому грустно из-за того, что он не мог разделить постель со своим женихом.

Старик сразу же искренне утешил его: “Не думайте слишком много, господин, возможно, ваш брак и произошел быстро, но он, должно быть, правда любит вас”.

Его тон был вполне уверенным.

Тем не менее, он увидел выражение крайнего недоверия на лице Ся Синчи и добавил: “Действительно. Он специально попросил нас следить за вами и докладывать ему.”

Ся Синчи:

Спасибо, но я не испытываю облегчения. Подозреваю, что он просто хочет, чтобы люди наблюдали за мной, чтобы сорвать все мои планы побега.

Он не совсем понимал, почему у старого дворецкого, который наблюдал за взрослением Ли Чэньюаня и довольно хорошо его знал, возникла эта иллюзия.

- - -

На ужин в тот вечер была горячая лапша с ребрышками, от которой шел пар.

Лапша была мягкой и однородной, а свиные ребрышки, мягкие и вкусные, были посыпаны несколькими кусочками золотистой кукурузы. Ся Синчи откусил кусочек и почувствовал себя совершенно удовлетворенным, как будто его душа была исцелена.

— Вот что значит настоящее счастье. Даже если злодей поймают его и убьет, он хотя бы умрет сытым.

События ужина в честь помолвки были слишком возбуждающими, и он не смог ничего съесть.

В этот момент, съев две полные миски лапши, он, наконец, удовлетворенно отложил палочки для еды.

После еды он не забыл выразить свою благодарность тете Ли:[2] “Это так вкусно, спасибо вам, тетя!”

Хотя Ся Синчи был трудным человеком, он выглядел довольно воспитанным и милым, когда искренне улыбался, изогнув брови.

Тетя Ли была мгновенно польщена.

Все эти годы она отвечала за диету и повседневную жизнь Ли Чэньюаня, но молодой мастер Ли был слаб с детства, и у него также был плохой желудок. Если бы его диета не была подходящей, он страдал бы от болей в животе и крайне не был заинтересован в том, чтобы что-либо есть.

Дошло до того, что тете Ли пришлось заподозрить, что ее стряпня была не очень вкусной, и она всегда хотела, чтобы он плотно поел.

Но неожиданно позже что-то произошло, и его темперамент, слова и действия резко изменились. На этот раз он был “нормальным” —

Совершенно нормальным. Он не избегал сырой, холодной или острой пищи и ел столько, сколько хотел, не заботясь о том, сможет ли его тело выдержать это, пока этот порочный круг продолжался.

Когда он покинул свой старый дом, его повседневные привычки постепенно улучшились.

Во всяком случае, тете Ли редко доводилось встречать такого льстивого ребенка, как Ся Синчи. Милый ребенок с таким здоровым аппетитом был огромным комплиментом ее кулинарным способностям.

Она сразу же спросила Ся Синчи с благожелательностью и удовлетворением: “Недавно я придумала новый набор рецептов. Хотели бы вы в будущем выбирать новые блюда каждый день?”

Бесплатный роскошный стол и жилье, а также вкусная еда. Ся Синчи немедленно наострил уши.

Как раз в тот момент, когда он собирался взволнованно кивнуть, он сразу же остановился —

Погодите, каждый день.....?

Вы уверены, что это я буду выбирать еду, а не сам стану закуской для Ли Чэньюаня?

Ся Синчи на мгновение задумался, а затем осторожно спросил: “Ли Чэньюань, он.....”

Он открыл рот, но в конце концов так ничего и не спросил.

Даже дядя Дин пребывал в заблуждении, что Синчи нравится Ли Чэньюаню, поэтому он решил, что настоящую цель его пребывания не удастся выяснить через тетю Ли.

Убирая посуду, тетя Ли с энтузиазмом сказала: “Молодой господин, ложитесь спать пораньше. Господин завтра будет дома, так что вы можете спать столько сколько захотите.”

Комната была подготовлена заранее, и в ней имелись все виды предметов первой необходимости.

Изначально Ся Синчи был полон энергии, но слово “сон” встряхнуло его недосыпающий мозг.

На него навалилась тяжелая усталость, и он не смог удержаться от зевоты.

Он поднялся по лестнице, словно лунатик, и, небрежно умывшись, быстро забрался в теплую и удобную постель.

Даже умерев он так и не смог нормально поспать. Независимо от того, что хотел сделать Ли Чэньюань, он не верил, что тот сможет проникнуть в его сны и напугать его там.

- - -

Он не ожидал, что видимо слишком расслабился, и что злодей ужасов, действительно придет в его сны.

Глубокой ночью Ся Синчи открыл глаза в оцепенении, наполовину проснувшись. Немного света проникало сквозь наполовину задернутые шторы

Было не слишком светло, но этого было достаточно, чтобы разглядеть внутреннюю часть комнаты —

Затем он увидел, что Ли Чэньюань сидит рядом с его кроватью, неподвижно глядя на него.

Ся Синчи:

Клянусь, ни в одном фильме ужасов нет такого ужасающего начала.

Ли Чэньюань был одет в черную ночную рубашку, отчего его лицо казалось еще бледнее.

Пояс был небрежно завязан, а вырез был слегка приоткрыт, отчетливо обнажая красивые линии его мышц.

На его лице не было никакого выражения, а растрепанные волосы свисали на лоб, но даже при том, что он был одет небрежно, аура вокруг него во сне все еще была очень пугающей.

Эти двое мгновение смотрели друг на друга, и Ся Синчи быстро воплотил в жизнь полубессознательную “внезапную” идею:

Он сразу же спрятался под одеяло и закрыл глаза.

Подтекст, казалось, говорил: пока я не могу видеть тебя, ты не можешь видеть меня.

Затем он снова заснул.

- - -

Словно компенсируя свой недосып, когда Ся Синчи проснулся на следующий день, было уже за полдень.

Ощущение того, что он полностью отдохнул, было очень приятным, а мягкая кровать и одеяло подарили ему ни с чем не сравнимое чувство счастья.

У него даже появилась мысль “было бы неплохо жить здесь постоянно”.

Ся Синчи почувствовал себя отдохнувшим и потянулся в лучах теплого золотого солнца, наполнявшего комнату.

Умывшись, он надел хорошо сидящую домашнюю одежду, которую доставил дядя Дин. Он пропустил обед, поэтому ему пришлось спуститься вниз и поискать еду.

Тетя Ли несла корзину для белья и готовилась заняться стиркой. Когда она увидела, что он просунул голову в кухню, она спросила с улыбкой: “Молодой господин, вы проснулись? Ужин еще не готов, но если вы проголодались, я только что испекла для вас яичные тарталетки. Хотите немного?”

Ся Синчи сразу же кивнул, когда услышал это, и только сейчас его привлек сладкий аромат.

В своей прошлой жизни он неохотно покупал даже лишнюю овощную булочку, не говоря уже о том, чтобы есть яичные тарталетки и другие маленькие десерты.

В детстве он всегда был пристрастен к сладкому. Будучи разносторонне развитым трудящимся-мигрантом, он действительно мог печь все виды десертов.

Но после приготовления он мог только пялиться на соблазнительную сладость и наблюдать, как кто-то другой покупает их. Было всего несколько раз, когда он мог попробовать их.

Когда он радостно вошел на кухню с тетей Ли, его глаза подсознательно переместились на корзину для белья в ее руке — сверху лежала черная ночная рубашка.

Он знал, не спрашивая, что это была рубашка Ли Чэньюаня.

Стиль был очень знакомым, как будто он уже видел его..... вопрос был в том, когда он видел его в этом?

Ли Чэньюань был одет в белую рубашку, когда вернулся в свою комнату прошлой ночью, и даже после того, как принял душ и переоделся, он не выходил из комнаты.

В мгновение ока этот сон, похожий на фильм ужасов, снова возник перед его глазами.

Почему рубашка была точно такого же фасона и цвета, как одежда Ли Чэньюаня в его “сне”?

Вопрос, от которого у него кровь застыла в жилах, вертелся у него в голове. Ся Синчи внезапно кое-что понял, и улыбка на его лице медленно застыла.

Могло ли быть так, что он пришел в мою комнату прошлой ночью, сел у моей кровати и смотрел, как я сплю?

[1] Представьте здесь любой грустный мем о лягушке Пепе.

[2] “Тетя” здесь - просто уважительный способ обращения к женщине старше вас. Кроме того, в имени “Ли” здесь используется иероглиф “ 李”, или “слива”, а не иероглиф “ 李” в имени Ли Чэньюаня, что может означать “много” или “темный”. И на самом деле они не родственники.

<http://bllate.org/book/16085/1439007>